Георгій Раевскій

СТРОФЫ

ПАРИЖЪ

Георгій Раевскій

СТРОФЫ

1923 — 1927

ПАРИЖЪ

МОЕЙ ЖЕНѢ

Долгій день еще не прожитъ.
Что-же ясный этотъ день
Холодкомъ уже тревожитъ
Пробѣгающая тѣнь?

— Отшатнись, неосторожный!
Будь и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ:
Нынче только отблескъ ложный
Завтра станетъ бытіемъ.

Спасайтесь вплавь, на бревнахъ, на плотахъ,
На лодкахъ парусныхъ, — на чемъ попало:
Насъ предала земля, и на поляхъ,
Какъ серпъ, волна гуляетъ. Все пропало!

Не злаки, нѣтъ, не мирные хлѣба,
Мы вѣтеръ сѣяли, слѣпое племя,
И бурю жнемъ. О, гнѣвная судьба!
О, страшное, безжалостное время!

Не плачь! Въ жестокомъ мірѣ этомъ
Нельзя быть хилыми душой
О, если тьма не стала свѣтомъ, —
Мужайся: свѣтъ не станетъ тьмой.

Когда-же намъ не доведется,
Земной преодолѣть недугъ, —
Мой другъ, мой утомленный другъ,
Утѣшимся!.. Что-жъ остается?

Все забыто: и образъ, и отзвукъ, и даже названье,
Все пропало, исчезло, — и снова одинъ я стою.
Этотъ обморокъ памяти слабому мнѣ въ наказанье
За сомнѣнья и страхи, за скудную вѣру мою.

Дай найти мнѣ такое тяжелое, нѣжное слово,
Чтобы вновь обрѣсти надъ тобою забытую власть:
Какъ корабль затонувшій со дна поднимаютъ морского,
Дай мнѣ силы припомнить тебя и узнать и заклясть.

Нѣтъ, мы не бодрствуемъ, — мы спимъ,
Мы спимъ, не въ силахъ пробудиться,
Намъ пробужденье только снится
Сквозь памяти летящій дымъ.

Что-жъ эта горсть дневныхъ тревогъ,
Волненій, горестей и боли?
На перекресткѣ двухъ дорогъ
Взметнулась пыль, — и нѣтъ ужъ болѣ.

Сухой песокъ, песокъ сыпучій
Занесъ мой скудный водоемъ.
О, Господи, пошли мнѣ тучи
Тяжелыя! Пускай дождемъ

Низринутся, сметутъ и смоютъ
Все, что годами налегло,
И воды хлынувшія взроютъ
Первоначальное русло.

Чтобъ днемъ и ночью предо мною
Потокъ таинственный бѣжалъ
И жажду хладною струею
Не утоляя утолялъ.

Что ты гордишься, пѣвецъ? — Смотри на простыя ремесла:
Ты слагаешь стихи, возводитъ плотникъ строенье.
Горе тебѣ и ему, когда нечестной рукою
Мѣрили вы: упадутъ и въ пыль превратятся обломки.
Будь смиренен и простъ. И помни: изъ тѣхъ-же деревьевъ
Можно дома воздвигать и звучныя дѣлать свирѣли.

КОНЬКОБѢЖЕЦЪ.

Вотъ разбѣжался, рукою взмахнулъ, упругимъ движеньемъ
Рѣжетъ зеркальную гладь, ровный чертя полукругъ.
Хрупокъ обманчивый ледъ, глубоки озерныя воды:
Онъ и не смотритъ туда, тѣшась мгновенной игрой.

КРЫСОЛОВЪ.

Заигралъ крысоловъ, запѣла звонкая дудка.
Лапками дружно стуча, крысы за пѣсней бѣгутъ.
Онъ-же, ладью отвязавъ, плыветъ и поетъ и играетъ; —
Въ синихъ прозрачныхъ волнахъ бѣдные тонутъ звѣрьки.

Какъ женщина, измѣнчива весна:
Еще въ ночи шумѣла непогода,
Но день блеснулъ, — и вотъ уже природа
Воскресной легкой нѣгѣ предана.

Какъ это прихотливое убранство,
Что процвѣтетъ и распадется вновь
Напоминаетъ мнѣ твою любовь
И милое твое непостоянство!

Я въ сердцахъ ударилъ палкой
По осиному гнѣзду,
И съ сухимъ и легкимъ трескомъ
Вмигъ разсыпалось оно.

И разсерженнымъ и шумнымъ
Желтымъ роемъ окруженъ,
Я бѣжалъ до самой рѣчки,
Отбиваясь и крича.

Но и тамъ еще, сбѣгая
Къ благодѣтельной водѣ,
Все я слышалъ за собою
Звонкій и веселый смѣхъ.

Вотще предъ Вами, ангелъ мой,
Я разсыпаюсь мелкимъ бѣсомъ:
Хоть-бы кивнули головой,
Хоть-бы взглянули съ интересомъ!

Иль нынче бѣсы не въ чести?
Иль ангеламъ не столь пристало
Бесѣды мирныя вести
Съ врагами кроткаго начала?

Но успокойтесь! Не ищу
Побѣды радостной и злобной:
У Вашихъ ногъ, бѣсамъ подобно,
И вѣрую и трепещу.

Слава тебѣ, наступающій день! хвала тебѣ, солнце!
Каждому звѣрю въ лѣсу, пробужденному гуломъ и свѣтомъ,
Каждой птицѣ въ поляхъ, взлетающей въ утренній воздухъ, —
Всѣмъ мой братскій привѣтъ: не гостемъ случайнымъ сегодня
Къ вамъ пришелъ я сюда, на этотъ ликующій праздникъ, —
Нѣтъ, какъ равный стою средь равныхъ. Уже встрепенулся
Вѣтеръ, качаясь гудятъ вершины столѣтнихъ деревьевъ,
Надъ озаренной землей звенитъ и гремитъ и несется:
Слава тебѣ, любовь, хвала тебѣ, жизни начало!

Зеленая волна, зеленая трава,
И волосы твои оттѣнка изумруда,
И льющихся небесъ густая синева, —
Какое празднество для глазъ, какое чудо!

Свалившейся травой мелькнетъ-ли жизнь моя,
Волна-ль ее умчитъ въ стремительномъ теченьи, —
Что, милая, мнѣ въ томъ? — Сегодня видѣлъ я
Природу и тебя въ таинственномъ смѣшеньи.

Мой другъ, тебя я видѣлъ нынче спящей:
Лежала тѣнь вокругъ сомкнутыхъ вѣкъ,
Спокойная вздымалась грудь не чаще
Волны вечерней, плещущей о брегъ.

Когда-жъ, едва разслыша вздохъ глубокій,
Я низко наклонился надъ тобой, —
Мелькнулъ въ лицѣ какой-то свѣтъ далекій
И въ воздухѣ взмахнула ты рукой,

Еще не просыпаясь. На мгновенье
Я видѣлъ — не томленье и не страхъ, —
Лишь дрожь неотошедшего видѣнья
Въ твоихъ полураскрывшихся глазахъ.

Полдневной щедростью согрѣта,
Ты прилегла на мягкій мохъ, —
И — счастья робкая примѣта —
Полуулыбка, полувздохъ.

Неяснымъ трепетомъ тревожитъ
Чуть поблѣднѣвшія черты.
Ты спишь. — Душа моя не можетъ
Хранить подобной нѣмоты.

О, какъ мучительно, какъ страстно,
Съ неутѣшимостью какой
Люблю твой тайный и прекрасный
Мимоидущій ликъ земной.

Отраденъ мнѣ твой проблескъ нѣжный,
Часъ утренній, безпечный часъ, —
Но сумракъ ночи памяти прилежной
Отраднѣе во сколько разъ!

Такъ прелести твоей мгновенной
Дороже мнѣ, мой близкій другъ,
Твоихъ очей какой-то вдохновенный,
Какой-то длительный испугъ.

Вотъ и вечеръ, вотъ и темный
Возлѣ самаго окна
Тѣнью закивалъ огромной.
Вотъ и вечеръ. Тишина.

Все молчитъ, все засыпаетъ,
Все заснуло. Въ этотъ часъ
Только память начинаетъ
Свой бормочущій разсказъ.

Ты не спишь еще, подруга?
Ты не отвѣчаешь? — Спитъ.
Тихо. Только отъ испуга
Сердце у меня стучитъ.

Безжизненна, блѣдна и молчалива
Сидѣла ты полузакрывъ глаза,
И по щекѣ твоей какъ-бы лѣниво
Катилась одинокая слеза.

О, тяжкая!.., Дрожащій и огромный
Весь этотъ міръ катился вмѣстѣ съ ней,—
Нѣтъ, не вселенная, — но только темный
Печальный міръ земной любви твоей.

Не можетъ быть, неправда, о, не надо!
Что мнѣ вселенная, что мнѣ она —
Безъ этой странной горестной услады,
Безъ этого спасительнаго сна?

Ночью долгой и безлунной
У открытаго окна
Слышу я, какъ ты томишься,
Бѣдная моя весна.

Жалуешься. О, какъ жадно,
О, какъ долго я готовъ
Вслушиваться въ эти рѣчи
Странныя, безъ всякихъ словъ.

И какъ будто только вспомнить,
Только руки протянуть, —
Милый другъ смѣясь и плача
Упадетъ ко мнѣ на грудь.

И какъ будто не бывало
Прошлаго, — и снова я
Повторяю, повторяю:
«Жизнь моя, любовь моя!»

УТЕСЪ.

На самомъ краѣ дикаго обрыва,
Покрытъ кустарникомъ и лишаемъ,
Тысячелѣтій сторожъ молчаливый,
Ты спишь угрюмымъ, бездыханнымъ сномъ.

Что безпокойный голосъ человѣка?
Что жалобы его? — Все глухо здѣсь.
Однѣхъ лишь сосенъ слышится отъ вѣка
Протяжная торжественная пѣснь.

Вогезы.

Какія тихія мѣста,
Какая высота!
Какъ куполъ пали небеса
На синіе лѣса

И замерли, — и все кругомъ
Объято стройнымъ сномъ.
Лишь тамъ, внизу, трубитъ въ рожокъ
Овечій пастушокъ.

И пѣсенка его легка,
Какъ эти облака,
Что, словно золотистый дымъ,
Проносятся надъ нимъ.

Я задремалъ — и надо мною
Торжественный вогезскій боръ,
Какъ старецъ, велъ съ самимъ собою
Суровый древній разговоръ.

О, какъ я сладко пробудился,
Когда, немного погодя,
Угрюмый сумракъ огласился
Легчайшимъ шопотомъ дождя.

День отошелъ. Послѣднiй свѣтъ исчезъ
За синими вершинами Вогезъ.
Все, что тревожило, что волновало,
Глубокою смѣнилось тишиной.
Лишь, музыки прозрачное начало,
Незримый ключъ гремитъ передо мной.

Летитъ, летитъ листва, — и лѣсъ
Чернѣетъ горестнымъ скелетомъ.
Ужъ не припомнить тѣхъ небесъ,
Что свѣтлымъ намъ сіяли лѣтомъ.

Какія бѣдныя мѣста!
Все посѣрѣло, все поблекло:
Лишь пасмурная нищета
Скупымъ дождемъ стучитъ о стекла.

Стучи, угрюмая, стучи, —
Что мнѣ твое глухое пѣнье,
Пока шумитъ огонь въ печи,
Пока живетъ въ душѣ волненье?

ЭПИТАФІЯ.

Кто-бъ ни былъ ты, замедли шагъ, прохожій:
На этомъ мѣстѣ странникъ погребенъ.
Онъ видѣлъ сонъ, на счастіе похожій,
И жизнь позналъ, похожую на сонъ.

СУМЕРКИ.

Въ дремотѣ дерево стоитъ
И не отбрасываетъ тѣни.
Въ сей поздній сумеречный часъ
Иныя оживаютъ тѣни.

Не наклоняйся надъ цвѣткомъ:
Въ немъ грозный ядъ таиться можетъ.
И другу нѣжному не вѣрь:
Онъ предаетъ тебя, быть можетъ.

Какой-то злобствующій духъ,
Бѣжавшій изъ ограды тѣсной,
Кружится, носится во мглѣ,
Витаетъ тѣнью безтѣлесной.

Внезапно вспыхнули два яркихъ свѣта:
Два фонаря. Разбрызгивая грязь
Огромными колесами, карета
Стремительно куда-то пронеслась.

Неудержимый бѣгъ! Одно мгновенье:
Огни, колеса, рѣзкій поворотъ, —
И все. — Какое странное волненье...
Густой туманъ ложится. Дождь идетъ.

Медлительнымъ посохомъ мѣрно звеня,
Проходитъ одинъ по дорогѣ.
Другой погоняетъ и хлещетъ коня
И скачетъ въ смертельной тревогѣ.

Догналъ, поравнялся, — и вотъ уже нѣтъ:
Лишь пыль завилась золотая.
И путникъ дивится и долго вослѣдъ
Глядитъ, головою качая.

И въ рощѣ вѣтра шумъ свободный,
И птичій крикъ среди полей,
И горный гулъ, и голосъ водный,
И звукъ родной людскихъ рѣчей, —

О, какъ тебя устану славить,
Земная жизнь, земная плоть?
Я не могу тебя оставить
И не хочу перебороть:

Отъ безпредѣльнаго паренья
Въ дыму разсѣянной мечты
Всей дивной силой тяготѣнья
Меня удерживаешь ты.

ИСКУШЕНІЕ.

«Возлюбимъ, братья!» — знаю, знаю:
Сей добродѣтельный обѣтъ
Я неизмѣнно повторяю
Тебѣ, смиренница, вослѣдъ.

Но горе, если на мгновенье
Я вспомню о земной любви:
«О, недостойное паденье!
О, ризы чистыя мои!»

И какъ постыднаго недуга,
Какъ нечестиваго огня,
Ты, вѣроломная подруга,
Бѣжишь погибшего меня.

Но мнѣ мятежный жаръ лобзаній,
Мнѣ привкусъ крови на губахъ
Твоихъ дороже бормотаній
О вѣчности, о небесахъ.

ИСКУШЕНІЕ.

Все пропало, все кончено: къ черту
Вдохновенье, надежда, любовь!
Ты вливаешься съ шумомъ въ аорту,
Воспаленная, душная кровь.

И по жиламъ чудовищной вѣстью
Пробѣгаешь быстрѣе огня,
Къ преступленью, къ позору, къ безчестью
Призывая, толкая меня.

Но какое еще преступленье,
И какая тамъ совѣсть, — когда
Цѣлый міръ въ сумасшедшемъ круженьи
Полетѣлъ неизвѣстно куда?

О, легіоны темныхъ словъ!
Какъ потревоженныя тѣни,
Бѣжите вы изъ царства сновъ,
Неся стенанія и пени.

Бѣда тому, кто вызвалъ васъ,
Кто вамъ придумалъ сочетанья:
Внезапно ночью пробудясь,
Онъ не припомнитъ заклинанья.

И вы, Панурговы стада,
Гонимы смертною тоскою,
Во тьму вы ринетесь тогда,
Его толкая предъ собою.

Ты прячешь, мудрая змѣя,
Твое раздвоенное жало:
Соблазнъ, паденіе сначала,
И послѣ — страхъ небытія.

Стезею сладостныхъ утѣхъ
Ты вводишь насъ во искушенье:
Въ себѣ несетъ свое отмщенье
Содѣянный и скрытый грѣхъ.

Ни музъ, ни хоровъ, ни Орфея.
Ни легкихъ, сладостныхъ тѣней.
Что вьются рѣя, розовѣя
Среди сияющихъ полей.

Кулисы рушатся. Въ разрывы
Глядитъ пустынный небосводъ. —
И вѣтеръ страшный и правдивый
Объ одиночествѣ поетъ.

Уже растутъ дневные голоса,
Уже бѣгутъ восторженныя воды,
И теплое дыханіе природы
Туманитъ голубыя небеса.

Увы! межъ тѣмъ, какъ нарастаетъ день,
Межъ тѣмъ, какъ ширится его сіянье, —
Уже ложится медленная тѣнь
На наше бѣдное существованье.

То злая тѣнь: среди земной весны,
Съ ея игрой и блескомъ и цвѣтеньемъ,
Одни лишь мы тревогѣ преданы,
Снѣдаемы какимъ-то тайнымъ тлѣньемъ.

Напрасно все: и мысли, и мечты. —
Мы падаемъ въ метаніяхъ безкрылыхъ.
И Ты, Господь, какъ тяжкій камень Ты
Для тѣхъ, кто созерцать Тебя не въ силахъ.

О, жизни льющейся безцѣльный дивный строй!
Все дышитъ и живетъ божественной игрой,
Все движется ея таинственной орбитой,
И нѣкій ровный свѣтъ невидимо разлитый
Во всемъ присутствуетъ. Но хладенъ и угрюмъ
Бѣжитъ его лучей безблагодатный умъ:
Онъ вѣритъ лишь себѣ — и по вѣтвямъ зеленымъ
Онъ бьетъ какъ топоромъ безжалостнымъ закономъ,
И древо жизненное, дико и мертво,
Какъ черный сухостой, валится на него,—
И дальше онъ бѣжитъ, охваченъ страхомъ тѣснымъ,
Не въ силахъ быть земнымъ, не въ силахъ стать
небеснымъ.

ВЕСПЕРЪ.

Мерцаетъ свѣточъ драгоцѣнный,
Приподнятъ бережной рукой, —
И всей землѣ, и всей вселенной
Несетъ забвенье и покой.

Все никнетъ, падаетъ и внемлетъ,
И, трепета не въ силахъ снесть,
Душа моя едва пріемлетъ
Его таинственную вѣсть.

Къ... ***

Да, ты уменъ безспорно: эти складки
Презрительнаго, нервнаго лица
Мнѣ говорятъ, что весь твой путь несладкій
Продуманъ длительно и до конца.

Но, Боже мой! упорно, кропотливо
День ото дня трудиться для того,
Чтобъ, наконецъ, съ усмѣшкою брезгливой,
Всего вкусивъ, не выбрать ничего.

Въ своемъ надменномъ самоутвержденьи
Ты въ дольній міръ приносишь вновь и вновь
И стройный замыселъ, и вдохновенье, —
Но не любовь. — О, если-бы любовь!

Не все безсмысленно и бренно,
Не все имѣетъ свой конецъ,
Не только тлѣніе нетлѣнно,
Сей жизни бѣдственный вѣнецъ.

О, недостойный умъ: ты могъ,
Ты смѣлъ дойти до отрицанья,
Едва ступивши на порогъ
Божественнаго мірозданья.

Безбожья хмурый проповѣдникъ,
О, какъ высмѣиваешь ты
Мои возвышенныя бредни,
Мои безсвязныя мечты.

Кричишь, открыто негодуя:
«Какая ложь! какая тьма!»
Что-жъ? — Безсердечности ума
Безумье сердца предпочту я.

Измученная, чуть живая,
Со свѣчечкой въ рукахъ худыхъ,
Не замѣчая, не стирая
Ни слезъ, ни капель восковыхъ,
Закрывъ глаза, она молилась
И кланялась въ кадильный дымъ.
И такъ мнѣ стыдно становилось
Предъ горемъ страшнымъ и простымъ.

Опять волнуются народы,
Опять вершители судебъ
Клянутся именемъ свободы
И дѣлятъ скотъ, дома и хлѣбъ.

И нѣтъ ни имени, ни мѣры
Бездонной скудости земной, —
И пять хлѣбовъ ничто безъ вѣры,
И нищій нагъ, и слѣпъ слѣпой.

Свобода, — о, восторженное слово!
Ты какъ блистательный огромный щитъ,
Гдѣ отраженье солнца золотого
Сверкаетъ и дробится и горитъ.

Не видимъ мы, слѣпцы, какой желѣзный,
Какой непререкаемый законъ
И въ этой непомѣрности надзвѣздной
И въ чашечкѣ цвѣточной затаенъ.

« Quid dedicatum poscit Apollinem... » *Hor*

Одни считаютъ въ небѣ созвѣздія,
Ихъ бѣгъ свѣряя съ тайными судьбами,
И на папирусы заносятъ
Числа, исполненныя значенья.

Другимъ отрадно въ шумѣ и грохотѣ
За громкой славой гнаться, за подвигомъ, —
И надъ испуганной толпою
Въ звонѣ меча изрекать законы.

Но мнѣ лады свирѣли несложные
Дороже трубъ и криковъ воинственныхъ,
И звѣздной книги мнѣ яснѣе
Сотовый медъ въ рукѣ любимой.

ПОѢЗДКА ВЪ ЛИНГЕ.

«Готово? — Въ путь!» Привѣтливый толстякъ
Взмахнулъ рукой, — и мощная машина
Рванулась съ мѣста. Мягко покачнувшись
На кожаномъ сидѣньи, мы съ сосѣдомъ
Слегка ударились плечомъ къ плечу
И мирно улыбнулись. Передъ нами
Двѣ парочки, а впереди высокій
Угрюмый юноша, по виду нѣмецъ,
Въ плащѣ и устрашающихъ очкахъ.
Автомобиль летитъ. За нами слѣдомъ
И пыль и дымъ пахучего бензина,
Навстрѣчу намъ сады и огороды,
На грядкахъ пугала и съ ними рядомъ
Спокойно скачущіе воробьи.
Но вотъ ужъ лѣсъ. Не замедляя ходу
Несемся въ гору. По краямъ дороги
Многосаженныя толпятся сосны
И кланяются и шумятъ вослѣдъ.
Дорога извивается. Направо
Отвѣсная гранитная стѣна,
Налѣво сосны.
Вдругъ — прорывъ: съ разбѣга
Мы вылетаемъ на крутой утесъ.
Съ двухверстной высоты внизъ, по уступамъ,
Сбѣгаетъ лѣсъ; деревья выгибаютъ

Стволы вдоль скалъ, откидываютъ вѣтви,
Какъ въ ужасѣ предъ бездной отступая.

. . . .

Сосѣдъ-французъ болтаетъ милый вздоръ
О завтракѣ, о небѣ, о Вогезахъ,
Я слушаю съ учтивою улыбкой, —
И вотъ уже не слышу: съ вышины
Мы, чудится, срываемся въ ущелье.
Туннель — и снова яркій свѣтъ и вѣтеръ,
И озера блистающія воды,
И далеко на синемъ горизонтѣ
Вогезскихъ горъ прерывистая цѣпь:
Огромныя, онѣ напоминаютъ
О грозномъ, о величественномъ мірѣ,
И кажется душѣ, что имъ подобно
Въ безмолвіи надъ дольнею землей
Она возносится...
«А вотъ и Линге!» —
Шофферъ протягиваетъ руку влѣво.
И точно: тамъ, за ближнимъ перелѣскомъ,
Раздѣлены извилистой ложбиной,
Два исполинскихъ высятся холма.
Они стоятъ, какъ будто Божьимъ гнѣвомъ
Опалены: проклятые обрубки
Сухихъ стволовъ, безъ листьевъ, безъ вѣтвей,
Сбѣгаютъ внизъ сожженными рядами,
И молодые свѣжіе побѣги

Вкругъ нихъ растутъ испуганной толпой.
У кладбища мы сходимъ. Здѣсь лежатъ
Французскіе стрѣлки: двѣнадцать тысячъ,
По сорокъ-пятьдесятъ въ одной могилѣ,
Надъ каждой — бѣлый деревянный крестъ.
Двѣнадцать тысячъ жизней!.. Неглубокій
Песчаный ровъ, — и вотъ ужъ мы идемъ
Нѣмецкимъ кладбищемъ: кресты и сосны,
И вновь кресты: на двухъ-трехъ имена,
А прочіе безъ имени.
Траншея. Молчаливой вереницей
Мы движемся: направо и налѣво —
Кротовые, глухіе переходы,
Засыпаны, завалены землей;
Кой-гдѣ торчатъ расщепленныя доски,
И между ними, на землѣ, повсюду
Обрывки проволоки заржавѣлой,
Какъ въ лихорадкѣ спутанные корни
Чудовищныхъ растеній. Въ вышинѣ,
Надъ головою, узенькой полоской
Сіяетъ блѣдно-голубое небо.
Скорѣе, прочь отсюда!..
На вершинѣ,
На мѣстѣ, гдѣ нѣмецкой батареи
Слѣды виднѣлись, я остановился
И сѣлъ на камень. Спутники мои
Ушли впередъ. Спокойною прохладой

Былъ полонъ воздухъ. Гдѣ-то въ глубинѣ
Деревья тихо-тихо начинали
Свое вечернее богослуженье,
И солнца красноватые лучи
Ложились на долины. Я сидѣлъ
Задумавшись.
                    На этомъ самомъ мѣстѣ
И день и ночь въ пороховомъ дыму
Метались люди, падали, — но криковъ
Никто не могъ разслышать: самый воздухъ
Гремѣлъ отъ ураганнаго огня.
Наводчики бѣжали. Офицеръ
Бросалъ отрывистыя приказанья, —
И вдругъ кидался въ сторону и падалъ,
Хватая воздухъ ищущей рукой.
Побѣда? Слава? — Господи, какъ мало,
Какъ мало дней до полнаго забвенья!.
Мнѣ стало страшно въ этой тишинѣ.
Я бросился бѣжать, но въ переходахъ
Запутался, не находя дороги;
Я останавливался и бѣжалъ,
Скользя и спотыкаясь. Наконецъ,
Заслышалъ я рожокъ автомобиля:
Меня искали. Черезъ двѣ минуты
Я вышелъ на дорогу. Въ то мгновенье,
Когда мы снова тронулись, сосѣдъ
Мнѣ крѣпко стиснулъ руку выше кисти;

Я молча оглянулся: было блѣдно,
Почти измучено его лицо.

. . . .

На перекресткѣ мы затормозили:
Навстрѣчу намъ порожняя телѣга,
Тяжелымъ запряженная воломъ,
Прогромыхала. Дѣвушка-эльзаска,
Красивая, съ веселыми глазами,
Сидѣла свѣсивъ ноги съ облучка
И пѣла пѣсню.

Вогезы, 1927 г.

СОДЕРЖАНІЕ

IMP. L. BERESNIAK
12, RUE LAGRANGE
PARIS

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

J. POVOLOZKY & Cie

13, Rue Bonaparte

PARIS